

Содержание

Предисловие совы	3
Книга первая	9
Книга вторая	273
Книга третья	349
Книга четвертая	551
Книга пятая	663
Послесловие	716

Предисловие совы

Господа художники, государи мои господа издатели, господин поэт, я должна сделать вам несколько замечаний касательно вашего первого издания. Как! В этой книжной громадине, в этом слоне, коего вы, в количестве восемнадцати человек, пытались подвигнуть на путь славы, вы не нашли самого крохотного местечка для птицы Минервы, мудрой совы, совы благоразумной? В Германии и в этой столь любимой вами Фландрии я непрестанно путешествую на плече Уленшпигеля, который так прозван потому, что имя его обозначает *Сова и Зеркало, Мудрость и Комедия*, Uyl en spiegel. Жители Дамме, — где, говорят, он родился, — по закону стяжения гласных и по привычке произносить «Уу» как «U» произносят «Уленшпигель». Это их дело.

Вы же сочинили другое объяснение: «Ulen (вместо Ulieden) spiegel» — ваше зеркало, ваше, господа крестьяне и дворяне, управляемые и правящие: зеркало глупостей, нелепостей и преступлений целой эпохи. Это было остроумно, но неблагоразумно. Никогда не надо порывать с традицией.

Быть может, вы нашли причудливой мысль воплотить Мудрость в образе птицы мрачной и неле-

пой — на ваш взгляд, — педанта в очках, балаганного лицедея, любителя потемок, беззвучно налетающего и убивающего раньше, чем слух уловит его появление: точно сама смерть. И, однако, притворно-простодушные насмешники, вы похожи на меня. Разве и среди ваших ночей нет таких, когда рекой лилась кровь под ударами убийства, подкравшегося на войлочных подошвах, чтобы не было слышно его приближения? И разве ваша собственная история не помнит бледных рассветов, тусклым лучом озарявших мостовые, заваленные трупами мужчин, женщин, детей? Чем живет ваша политика с тех пор, как вы царите над миром? Кровопролитиями и избиениями.

Я, сова, скверная сова, убиваю для того, чтобы жить, чтобы кормить моих птенцов, а не для того только, чтобы убивать. Если вы попрекаете меня тем, что мне случалось сожрать птичий выводок, то не могу ли я попрекнуть вас избиением всего, что дышит на этом свете? Вы наполнили целые книги трогательными рассказами о стремительном полете птицы, о ее любовной жизни, о ее красоте, об искусстве вить гнездо, о страхе самки за детенышей; и тут же пишете, под каким соусом надо подавать птицу и в каком месяце она жирнее и вкуснее. Я не пишу книг, помилуй бог, не то я бы написала, что когда вам не удастся съесть птицу, то вы съедаете гнездо, лишь бы зубы не оставались без дела.

Что до тебя, неблагоприятный поэт, то ведь тебе выгоднее было указать на мое участие в твоём творении, из коего по малой мере двадцать глав принадлежат мне — прочие оставляю в полную твою

собственность. Это еще наименьшее зло — быть неограниченным владыкой всех глупостей, которые печатаешь. Поэт, ты без разбора обличаешь тех, кого называют палачами родины, ты приговождаешь Карла V и Филиппа II к позорному столбу истории, — ты не таков, как сова, ты неблагоприятен. Уверен ли ты, что в этом мире уже нет ни Карлов Пятых, ни Филиппов Вторых?

Не боишься ли, что внимательная цензура найдет в чреве твоего слона намек на знаменитых современников? Зачем ты тревожишь мирный сон этого императора и этого короля? Зачем ты лаешь на таких особ? Кто ищет ударов, от ударов погибнет. Есть люди, которые тебя не простят ни за что, да и я тебя не прощаю, ты нарушаешь мое благополучное мешанское пищеварение.

Что это за упорное противопоставление ненавистного короля, с детства жестокого, — на то ведь он и человек — фламандскому народу, который ты хочешь изобразить нам таким героическим, жизнерадостным, честным и трудолюбивым? Кто сказал тебе, что этот народ был хорош, а король плох? Я могла бы самыми разумными доводами доказать тебе противное. Твои главные действующие лица без исключения дураки или сумасшедшие: твой сорванец Уленшпигель берется за оружие, чтобы бороться за свободу совести; его отец, Клаас, умирает на ковре ради утверждения своих религиозных убеждений; его мать, Сооткин, терзает себя и умирает после пытки, потому что хотела сохранить счастье для своего сына; твой Ламме Гудзак идет в жизни прямым путем, как будто на этом свете достаточно быть доб-

рым и честным; твоя маленькая Неле всю жизнь — что не так плохо — любит одного человека... Где видано что-нибудь подобное? Я пожалела бы тебя, если бы ты не был смешон.

Однако я должна признать, что рядом с этими нелепыми личностями у тебя можно найти несколько фигур, которые мне по душе. Таковы твои испанские солдаты, твои монахи, жгущие народ, твоя Жиллина, шпионка инквизиции, твой скаредный рыбак, доносчик и оборотень, твой дворянчик, прикидывающийся по ночам дьяволом, чтобы соблазнить какую-нибудь дуру, и особенно этот «умница» Филипп II, который, нуждаясь в деньгах, подстроил разгром святых икон в церквах, чтобы затем покарать за мятеж, коего умелым подстрекателем был он сам. Это еще наименьшее, что можно сделать, когда ты призван быть наследником своих жертв.

Но, мне кажется, я говорю попусту. Ты, быть может, и не знаешь, что такое сова. Сейчас объясню тебе.

Сова — это тот, кто исподтишка брызжет клеветой на людей, которые ему почему-либо неудобны, и, когда ему предлагают принять на себя ответственность за свои слова, благоразумно восклицает: «Я ничего не утверждаю. *Говорят...*» Он отлично знает, что эти «*говорят*» неуловимы.

Сова — это тот, кто втирается в почтенную семью, ведет себя как жених, бросает тень на девушку, берет займы и, иногда не расплатившись с долгами, исчезает, когда больше взять нечего.

Сова — политик, который, надев личину свободомыслия, неподкупности, любви к человечеству,

улучив момент, потихоньку возьмет, да и придушит человека или нацию.

Сова — это купец, который подделывает вина и съестные припасы, который вместо питания вызывает несварение, вместо удовольствия — ярость.

Сова — это тот, кто ловко крадет, так что его не схватишь за шиворот, тот, кто защищает ложь против правды, разоряет вдову, грабит сироту и торжествует в сытости, как другие торжествуют в крови.

«Совиха» или «совица» — как хочешь, без игры слов — это женщина, которая торгует своими прелестями, растлевает лучшие чувства молодых людей, заявляя, что это она их «развивает», и бросает их без гроша в кармане в том болоте, куда втянула их.

Если она печальна иногда, если вспоминает, что она женщина, что она могла бы быть матерью, я ее не признаю. Если, истомленная этим существованием, она бросается в воду, — это сумасшедшая, недостойная жить.

Осмотришься вокруг, захолустный поэт, и пересчитай, если можешь, сов мира сего; подумай, разумно ли нападать, как ты делаешь, на Силу и Коварство, этих царственных сов. Углубись в себя, произнеси твое *Mea culpa*¹ и вымоли на коленях прощение.

Твое доверчивое неразумие занимает меня, однако; и потому, невзирая на известные мои привычки, я предупреждаю тебя, что предполагаю незамедлительно обличить резкость и дерзновение твоего слога пред моими литературными родичами, сильными

¹ *Моя вина.* — Здесь и далее: примеч. пер., кроме специально оговоренных случаев.

перьями, клювами и очками. Люди рассудительные и педантичные, они умеют в самой милой, самой пристойной форме, под всяческими дымками и прикровенностями рассказывать молодежи любовные истории, родина которых не только Кифера¹. О дерзновенный поэт, так любящий Рабле² и старых мастеров, эти люди имеют пред тобой то преимущество, что, оттачивая французский язык, они, в конце концов, сведут его на нет.

БУБУЛУС БУБ

¹ К и ф е р а (Cythera) — в греческой мифологии остров в Архипелаге, родина Афродиты.

² Р а б л е, Ф р а н с у а (1483—1553) — знаменитый французский писатель эпохи Возрождения.

КНИГА ПЕРВАЯ

I

В городе Дамме во Фландрии¹, в ясный майский день, когда распустились белые цветы боярышника, родился Уленшпигель, сын Клааса.

Повитуха, кума Катлина, завернула его в теплые пеленки, присмотрелась к его головке и показала на прикрытую пленкой макушку.

— В сорочке родился, под счастливой звездой, — сказала она радостно.

Но вдруг жалобно застонала и показала черное пятнышко на плече ребенка.

— Ах! — вздохнула она. — Это черная отметина чертова когтя.

— Стало быть, — сказал Клаас, — господин Сатана изволил очень рано подняться, если он уже удосужился отметить моего сына.

¹ Д а м м е — городок, расположенный в окрестностях большого фландрского города Брюгге.

Ф л а н д р и я — одна из семнадцати областей тогдашних Нидерландов, графство. Нидерланды охватывали в середине XVIII века территорию нынешних Бельгии и Голландии, с небольшой частью северной Франции.

— Он еще и не ложился, — ответила Катлина, — ведь петух только начинает будить кур.

И, положив ребенка на руки Клааса, она вышла.

Тут заря пробилась сквозь ночные облака, ласточки с криком зареяли над лугами, и солнце в багровом отблеске показало на востоке свой ослепительный лик.

Клаас распахнул окно и сказал Уленшпигелю:

— Сынок мой, в сорочке рожденный! Вот царь-солнце встает с приветом над землей Фландрской. Погляди на него, когда станешь зрячим; и если когда-нибудь, мучимый сомнениями, ты не будешь знать, что делать, чтобы поступить, как должно, спроси у него совета: оно дает свет и тепло; будь сердцем чист, как его лучи, и будь добр, как его тепло.

— Клаас, муженек, что ты поучаешь глухого, — сказала Сооткин. — Иди попей, сынок.

И мать протянула новорожденному свои чудесные, природой созданные чаши.

II

Пока Уленшпигель сосал, прильнув к ней, проснулись все птички в поле.

Клаас, связывая дрова в вязанки, смотрел, как жена кормит Уленшпигеля.

— Жена, — сказал он, — а достаточный у тебя запас этого славного молочка.

— Чаши полны, — ответила она, — но радость моя не полна.

— Не очень-то веселы твои речи в столь возвышенный час.

— Я думаю о том, что в той кошелке, — видишь, вон там на стене, — уж давно не было ни грошика.

Клаас взял кошелку в руки, но напрасно тряс он ее: не звякнуло в ней ни грошика. Это смутило его. Но он все же хотел подбодрить жену.

— О чем ты беспокоишься? — сказал он. — Разве нет у нас в хлебном ларе лепешки, что вчера принесла Катлина? Да не лежит ли там хороший кусок говядины, который уж по меньшей мере на три дня даст мальчику хорошего молочка? Уж не голод ли пророчит мешок бобов, улегшийся в углу? Ведь не во сне я вижу этот горшок с маслом? И не волшебные же яблочки, точно солдатики в шеренгах, рядышком дюжинками разложены на чердаке? Ну, а там что — не хороший ли бочонок пивца из Брюгге¹, хранящий освежительный напиток в своем толстом брюшке?

— Чтобы окрестить ребенка, — ответила Сооткин, — надо иметь два патара для священника и флорин² на крестины.

Тут вернулась кума Катлина с охапкой травы в руке и сказала:

— Приношу в сорочке рожденному листок дягиля, что хранит человека от распутства, и листок укропа, к которому не смеет приблизиться сатана...

¹ Б р ю г г е — город на севере Фландрии, связанный судоходным каналом с Северным морем. К середине XVI века Брюгге уже утратил свое значение торговой столицы Нидерландов, уступив это место Антверпену.

² П а т а р — старинная мелкая монета.

Ф л о р и н — золотая монета, в ту пору в Нидерландах весом около трех с четвертью граммов.

— А траву, что привораживает флорины, не принесла? — спросил ее Клаас.

— Нет, — ответила она.

— Ну, пойду погляжу, не найду ли ее в канале.

Он взял удочку и сеть и вышел, уверенный, что в такую рань никого не встретит: целый час оставался еще до l'oosterzon, — так называют во Фландрии шестой час утра.

III

Подойдя к Брюггскому каналу, недалеко от моря, Клаас наживил удочку, забросил ее и закинул сеть. На другом берегу канала лежал на холмике из ракушек хорошо одетый мальчик и спал как убитый.

Шум, произведенный Клаасом, разбудил его, и он вскочил, испугавшись, что это подошел общинный стражник, чтобы поднять его с ложа и отвести как бродягу к старшине. Но страх его исчез, когда он узнал Клааса, который крикнул ему:

— Хочешь заработать шесть лиаров¹? Гони рыбу ко мне!

Мальчик — с уже заметным брюшком — вошел в воду и, вооружившись пушистым стеблем тростника, стал гнать рыбу по направлению к Клаасу.

Окончив ловлю, Клаас собрал сеть и удочку, перешел через шлюз к мальчику и спросил его:

— Послушай, тебя окрестили именем Ламме, а прозван ты Гудзак² за свое добродушие; ты живешь

¹ Ли а р — мелкая монета. Шесть лиаров составляли денье.

² Л а м м е Г у д з а к. Имя «Ламме» означает «агнец», «ягненок».

на Цаплиной улице, за собором богоматери? Так как же это вышло, что такой нарядный маленький мальчик спит на улице?

— Ах, господин угольщик, — ответил мальчик, — дома у меня сестра... и хоть она на год моложе меня, но, чуть повздорим, колотит меня, а я не смею отдать ее спине то, что получил сам: боюсь сделать ей больно, господин угольщик. Вчера за ужином я был очень голоден и немножко повозился пальцами в блюде тушеного мяса с бобами. Она захотела, чтоб я с ней поделился, а там ведь и для меня одного было мало. Как она увидела, что я облизал губы, потому что мне очень понравилась подлива, — она точно взбесилась: набросилась на меня и таких плюх надавала, что я еле живой удрал из дому.

Клаас полюбопытствовал, что же делали во время этой потасовки отец и мать.

— Отец похлопал меня по одному плечу, мать — по другому, и оба сказали: «Дай ей сдачи, трусишка». Но я не хотел бить девочку и убежал.

Вдруг Ламме побледнел и задрожал всем телом.

Клаас увидел, что к ним приближается высокая женщина, а с ней худая девочка со злым лицом.

— Ой, — захныкал Ламме и ухватился за штаны Клааса, — это моя мать и сестра ищут меня. Спасите меня, господин угольщик.

— погоди, — сказал Клаас, — получи сперва свои семь лиаров за работу и пойдем без страха к ним навстречу.

Увидев Ламме, мать и сестра набросились на него с побоями: мать — потому, что очень беспокоилась о нем, сестра — потому, что уж так привыкла.

Ламме спрятался за Клааса и кричал:

— Я заработал семь лиаров, я заработал семь лиаров, не бейте меня!

Но мать уже обнимала его, а девочка старалась разжать его кулак и отнять у него деньги.

Ламме кричал: «Это мое, не дам!» — и крепко сжимал кулаки.

А Клаас за уши оттащил от него девочку и сказал:

— Если ты еще хоть раз ударишь брата, — он ведь добрый и кроткий, как ягненок, — то я тебя посажу в черную угольную яму. Но там не я тебя буду держать за уши, а придет красный черт из ада и разорвет тебя своими когтями и зубами, длинными, как вилы.

От ужаса девочка не могла поднять глаз на Клааса и подойти к Ламме и спряталась в юбки матери.

Но, войдя в город, она стала кричать:

— Угольщик побил меня; у него в погребке черт!

Однако с тех пор она уже не била Ламме, вместо этого она заставляла его работать на себя.

И добродушный малый исполнял охотно всякую работу.

А Клаас отнес по дороге улов в одну усадьбу, где у него всегда покупали рыбу. И дома сказал жене:

— Смотри, что я нашел в брюхе у четырех шук, девяти карпов и в полной корзине угрей.

При этом он бросил на стол два флорина и патар.

— Почему ты каждый день не ходишь на рыбную ловлю? — спросила Сооткин.

— А чтобы самому не попасть в сети к общинным стражникам, — ответил Клаас.

IV

В Дамме отца Уленшпигеля, Клааса, называли *Kolldraeger*, то есть угольщик. У него были черные волосы и блестящие глаза; кожа его была под цвет его товара, за исключением праздничных и воскресных дней, когда в его домике было в большом ходу мыло. Был он приземистый, коренастый, крепкий и всегда весело улыбался. Когда день кончался и спускался вечер, он шел в какой-нибудь трактирчик по дороге в Брюгге, чтобы промыть свою забитую углем глотку добрым пивком. И по пути все женщины, вышедшие на крыльцо, чтобы подышать свежим воздухом, встречали его дружеским приветом:

— Добрый вечер, светлого пива, угольщик!

— Добрый вечер, бдительного мужа, — отвечал Клаас.

Девушки, возвращаясь толпами с полей, становились рядом, загораживая ему дорогу, и требовали выкупа:

— Что дашь за пропуск: красную ленту или золотые серьги, бархатные сапожки или флорин в кошелек?

Но Клаас обхватывал какую-нибудь из них руками, целовал ее в щеку или шею, смотря по тому, какой кусок этого свежего тела был ближе к его губам, и говорил:

— Остальное, красотки, получите от своих возлюбленных, только попросите.

И девушки разбегались с хохотом.

Дети узнавали Клааса по его звонкому голосу и топоту сапог. Они бежали к нему навстречу и кричали:

— Добрый вечер, угольщик!

— Благослови вас Господь, ангелочки, — говорил он, — только близко не подходите, а то я сделаю из вас арапов. — Однако малыши, народ отважный, подходили; тогда Клаас хватал смельчака за куртку, проводил своей черной пятерней по его свежей мордочке и так отпускал его, хохоча сам, к великой радости всех ребят.

Сооткин, жена Клааса, была хорошая хозяйка, она вставала с солнцем и хлопотала, как муравей. Вместе с Клаасом она обрабатывала поле, и оба впрягались в плуг, точно волы. Плуг был тяжелый, но еще тяжелее была борона, когда приходилось деревянными зубьями разрыхлять твердую землю.

Но они работали весело и пели при этом какую-нибудь старинную песню. И как ни была тверда земля, как ни палило солнце самыми жгучими своими лучами и как от великой усталости не подгибались колени при бороньбе, — если случалось остановиться для передышки, Сооткин поднимала к Клаасу свое кроткое лицо, Клаас целовал это зеркало нежной души, — и они забывали о своей великой усталости.

V

Накануне вечером у дверей ратуши выкликали, что государыня, супруга императора Карла V¹, затяжелела, а посему надлежит возносить молитвы о благополучном ее разрешении от бремени.

¹ «Супруга императора Карла V» — Изабелла, дочь Мануэля, короля Португалии (с 1495-го по 1521 год).